

УДК 82.091

“ВЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ” В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ВОПЛОЩЕНИИ

Ч. АЙТМАТОВА И М. БУЛГАКОВА (РОМАНЫ “ПЛАХА” И “МАСТЕР И МАРГАРИТА”)

Н.П. Сейранян

Роман М. Булгакова “Мастер и Маргарита” был закончен в 1940 г., но вышел в свет лишь в 1966 г. Роман Ч. Айтматова “Плаха” опубликован в 1986 г., в начале Перестройки. Оба эти произведения сохраняют актуальность по сегодняшний день. В этих художественных творениях выдающихся писателей XX века нашла выражение острая критика важного этапа в истории человечества в поисках прогресса – опыт социализма советского образца как в плане общественного жизнеустройства, так и нравственных результатов. Сравнительный анализ названных произведений весьма плодотворен, поскольку как в оценке действительности, так и в развитии философской проблемы добра и зла, в композиции, обращении к образам Иисуса Христа и Понтия Пилата ощущается переключка романа Айтматова “Плаха” с романом Булгакова “Мастер и Маргарита”. Наблюдается сходство и в стилистической манере писателей. У обоих опыт социальной жизни XX столетия часто соотносится через мифы и легенды с историческим опытом народа и, таким образом, являет собой плод широких обобщений.

Ключевые слова: советский социализм; кризис; сравнительный анализ; параллельные сюжеты; парадокс; социально-философская притча.

“ТҮБӨЛҮКТҮҮ МАСЕЛЕЛЕРДИН” Ч. АЙТМАТОВДУН

ЖАНА М. БУЛГАКОВДУН КӨРКӨМ ЧЫГАРМАЛАРЫНДА ИШКЕ АШЫРЫЛЫШЫ

(“КЫЯМАТ” ЖАНА “МАСТЕР ЖАНА МАРГАРИТА” РОМАНДАРЫ)

М. Булгаковдун “Мастер жана Маргарита” романы 1940-жылы жазылып бүтүп, 1966-жылы гана жарык көргөн. Ч.Айтматовдун “Кыямат” романы кайра куруу башталганда, 1986-жылы басылып чыккан. Ушул эки чыгарма тең бүгүнкү күнгө чейин актуалдуулугун жоготпой келет. XX кылымдын залкар жазуучуларынын ушул көркөм чыгармаларында адамзаттын тарыхындагы өнүгүүнү издөөнүн маанилүү этабы – советтик үлгүдөгү социализм тажрыйбасы коомдук түзүлүш жаатында, ошондой эле адеп-ахлактык натыйжалар жаатында да сынга алынган. Аталган чыгармаларга салыштырып талдоо жүргүзүү да бир кыйла жемиштүү болгон, анткени чындыкты баалоодо, ошондой эле жакшылык менен жамандык философиялык маселелерин өнүктүрүүдө, композицияда, Иисус Христос менен Понтий Пилаттын образдарына кайрылууда Айтматовдун “Кыямат” романы М.Булгаковдун “Мастер жана Маргарита” романы менен окшош. Алардын окшоштугу жазуучулардын стилинде да байкалат. Экөөнүн тең XX кылымдын социалдык турмуш тажрыйбасы мифтер жана уламыштар аркылуу элдин тарыхый тажрыйбасы менен шайкештелип, кеңири корутундулоонун жемиши болуп калды.

Түйүндүү сөздөр: советтик социализм; кризис; салыштырма талдоо; параллелдүү сюжеттер; парадокс; социалдык-философиялык аңгеме.

**“PERENNIAL ISSUES” IN ARTISTIC PRESENTATION OF CH. AITMATOV AND M. BULGAKOV
(NOVELS “THE SCAFFOLD” AND “THE MASTER AND MARGARITA”)**

N.P. Seyranyan

M. Bulgakov's novel “The Master and Margarita” was completed in 1940, but was published only in 1966. Ch. Aitmatov's novel “The Scaffold” was published in 1986, at the beginning of Perestroika. Both of these works preserve their timeliness by this day. In the artistic masterpieces of these outstanding writers of the XX century there was an expression of sharp criticism of an important stage in the history of mankind in search of progress – the experience of Soviet style socialism both in terms of social life and moral results. The comparative analysis of the abovementioned works is very fruitful, because both in the evaluation of reality, and in the development of the philosophical problem of good and

evil, in composition the appeal to the images of Jesus Christ and Pontius Pilate, there is a likeness between Aitmatov's novel "The Scaffold" and Bulgakov's novel "The Master and Margarita". There are similarities in the style of writers. Both writers' experience of the social life of the twentieth century is often correlated through myths and legends with the historical experience of the people and is thus the result of broad generalization.

Keywords: Soviet socialism; crisis; comparative analysis; parallel storylines; paradox; social-philosophical parable.

За последние годы многое изменилось в нашем мышлении, мировоззрении, представлениях. Начиная с середины 1980-х гг. и вплоть до сегодняшнего дня на всем постсоветском пространстве широко обсуждается значение Октябрьской революции, особенно в связи со 100-летием этого исторического события. В итоге концепция Октябрьской революции претерпела значительное изменение. Наряду с положительными процессами, порожденных ею во всем мире, широко обнажены трагические последствия Октябрьского переворота. Значительную роль в переосмыслении итогов революции сыграли публикации с середины 1980-х гг. произведений "задержанной литературы", т. е. написанных "в стол", не имевших до того доступа к читателю. С большим интересом были встречены им произведения М. Булгакова, А. Платонова, Е. Замятина, Б. Пастернака, А. Солженицына, В. Гроссмана, А. Рыбакова, В. Шаламова и многих других писателей. Значительное место в этом процессе занял роман Ч. Айтматова "Плаха", вышедший в свет в начале Перестройки (1986). В нем глубокое отражение социальный и нравственный нашел кризис советского общества, особенно резко обозначившийся к середине 80-х гг. С публицистической остротой поставлен этот вопрос также в повестях В. Распутина "Пожар" (1985) и В. Астафьева "Печальный детектив" (1986). В свое время по выходе в свет они вызвали широкий отклик со стороны читателей и литературных критиков. В частности, о романе "Плаха" появились развернутые статьи в центральных газетах: в "Правде", "Известиях", "Комсомольской правде", "Литературной газете", состоялись обстоятельные обсуждения на страницах журналов "Вопросы литературы" [1, с. 3–82], "Литературное обозрение" [2, с. 39–49] и других. Роман был рассмотрен с разных точек зрения, но доминирующей была оценка его как "нового и значительного общественного явления, утешающего голос мысли и совести" (Е. Сидоров).

¹ Тезисы предлагаемой статьи опубликованы в сб. Материалы международного конгресса: Русская словесность в мировом культурном контексте. М., 2004. С. 198–200.

The theses of the proposed article are published in Sat, Materials of the International Congress: "Russian literature in the world cultural context". М., 2004. P. 198–200.

Мы не раз обращались к исследованию творчества Булгакова [3, с. 188–213] и Айтматова [4, с. 398–410] и в ряде статей, и в авторском учебнике "История русской литературы XX в." (20–90-е гг.), и сегодня обращаемся вновь, поскольку эти романы сохраняют свою актуальность. Ведь по-прежнему нет единого мнения в оценке советского социализма, да и вообще единого понимания относительно путей развития мирового сообщества, не сложились еще общие критерии нравственности. В настоящее время в мире развиваются и теперь уже неуклонно растут межрегиональные конфликты, грозящие обернуться глобальным бедствием. Всегда актуально обращение к "вечным вопросам", поскольку барометр состояния общества – это соотношение в действительности добра и зла, и литература призвана показать эту реальность. Сейчас на постсоветском пространстве широко идет процесс гуманизации, "вочеловечения" общества, реализации человека как ценностной величины, и надо этот процесс сохранить. А это возможно лишь при условии глубокого и полного осмысления прошлого, тем более, что рецидивы его деформаций очень болезненно заявляют о себе по сей день.

Творчество Чингиза Айтматова начиная с первых произведений давало читателю богатую пищу для размышлений, глубоких эмоциональных переживаний. Это повести "Джамия", "Прощай, Гульсары!", "Белый пароход", "Пегий пес, бегущий краем моря", романы "И дольше века длится день" ("Буранный полустанок"), "Плаха", "Тавро Кассандры", "Когда падают горы (Вечная невеста)" и другие.

Важнейший принцип художественной системы писателя, перефразируя Пушкина, – проверить гармонией алгебру. В частности, осмысление опыта XX столетия в произведениях Айтматова часто соотносится через мифы и легенды с историческим опытом народа и, таким образом, являет собой плод широких обобщений [5, с. 233–243].

В романе "Плаха" Айтматов продолжает исследовать традиционный для русской литературы, в частности для Л. Толстого, Ф. Достоевского, М. Булгакова, конфликт между монархической, диктаторской системой и творцом, создателем, наконец, гражданином, праведником. Но у Айтматова, что определяет его особое место в литературе, этот конфликт развивается до предела, до парадокса, вплоть до трагедии, гибели праведника,

обнаруживая тем самым абсурдность социальной действительности и необходимость радикальных перемен. При прочтении романа Айтматова “Плаха” нельзя не отметить перекличку его с романом Булгакова “Мастер и Маргарита”. На этот факт обращали внимание и сам Айтматов, и ряд критиков. На наш взгляд, плодотворно их развернутое сравнение, поскольку как в оценке действительности, так и в развитии философской проблемы добра и зла ощущается определенное влияние булгаковского романа. Говоря о влиянии, мы имеем в виду новаторское развитие Айтматовым творческой системы Булгакова.

Булгаков всегда остро чувствовал необходимость сказать свое слово о современности. Конфликт между диктаторской властью и творцом был осознан писателем как самый острый и по масштабам восходил к философской проблеме добра и зла. Отсюда, в соответствии с традицией в мировой литературе, и обращение к образу Христа (в романе Иешуа Га-Ноцри), а оппозиционная фигура – диктатор, наместник Рима в Иудее Понтий Пилат. Сцена диалога Иешуа с Пилатом перед казнью – это эпизод романа, написанного Мастером (прообраз его – сам Булгаков). Это его поступок, это его роль в конфликте с современной диктатурой [6, с. 710–712].

“Мастер и Маргарита” – это роман, состоящий из двух романов: события одного из них – об Иешуа Га-Ноцри – протекают в I веке н. э., а другого – о Мастере и Маргарите – в 30-е гг. XX в. Сюжетно они не связаны, их ассоциативно объединяет в одно конфликт между творцом и диктаторской властью и тема неизбежности победы добра и возмездия злу. Оба романа имеют своих героев-“двойников”: Мастер–Иешуа, Алоизий–Иуда, Берлиоз–Каифа, Иван Бездомный–Левий Матвей.

Роман Булгакова завершается на светлой ноте. Зная, что “пишет в стол”, не имея возможности открыто провозгласить свое писательское кредо, Булгаков испытывал острую необходимость, показав трагедию и унижение своих любимых героев, – утвердить еще при жизни неизбежность торжества правды. Воланд возвращает Маргарите из больничного заточения Мастера, восстанавливает его роман. Торжествующе звучит фраза, ставшая крылатой: “Рукописи не горят!” Это о том, что истину нельзя уничтожить. Как видим, роман имеет хороший конец, но он стал возможен благодаря использованию таких приемов, как сон, фантастика. Добрым покровителем героев-правдоискателей, как ни странно на первый взгляд, в романе является Воланд, имеющий обличье дьявола. Критики рассматривают этот образ адекватно его внешнему виду, не объясняя причину его противоречивости.

В качестве аргумента приводится лишь эпитафия к роману, формула Мефистофеля из Фауста: “...Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо”. Думается, однако, слова эти говорят лишь о том, что зло активизирует добро, и лишь в этом смысле содействует ему, однако не дают право смешивать добро и зло, представлять их как две стороны одной медали. Добро абсолютно, то есть ничем не обусловленная, самостоятельная сущность. Согласно нашей концепции, Воланд – это “мерцающий” образ. Он представляет действенное, активное добро, но появляется в лице дьявола, ибо иначе с “дьяволиадой” (определение самого Булгакова в одноименной повести) не справиться, и “добрый молодец” в ее владениях – вне закона. Косвенно эту концепцию Воланда подтверждает образ Маргариты, являющий собой Любовь, Добро, Милосердие. Намазавшись кремом Азazelло, она на какое-то время превращается в ведьму и только в таком виде получает возможность отомстить критику Латунскому, противнику Мастера. И в этом случае мы имеем дело с “мерцающим” образом. Но фантастику Булгаков использует в меру (Воланд со свитой появился в Москве лишь на четыре дня), осознавая, что нарушение ее повлечет за собой искажение жизненной правды. Актуально для 30-х гг. прозвучала булгаковская концепция жестокого наместника Рима в Иудее Понтия Пилата. В тонкой психологической разработке характера нам видится саморазоблачение тирана, показывается его человеческая несостоятельность. Страх и одиночество Пилата показаны как закономерный атрибут его тиранической власти над людьми, неизменно сопровождающее ее душевное состояние. Общение с Иешуа дарит ему давно забытую “роскошь человеческого общения” и излечение от страшной головной боли. Пилат может сохранить это состояние, если использует свое право спасти Иешуа от казни, но он боится священников, толпы, Рима и идет у них на поводу – “умывает руки” и тем самым выносит себе приговор. Приговор своему времени выносит и писатель: источник диктатуры – страх и трусость, и последствие ее тоже страх и трусость. В этом ее разрушительная сила. С предательством Понтия Пилата связана крылатая фраза романа – “трусость, несомненно, один из самых страшных пороков”. В этом же ключе тема трусости и страха звучит и в романах Айтматова, о чем мы будем говорить далее.

Своеобразно и в соответствии со своей творческой задачей использует Айтматов в романе “Плаха” булгаковский композиционный прием – роман в романе, а также диалог Иисуса Христа с Понтием Пилатом.

Роман Айтматова вышел в свет в преддверии грандиозного разлома, распада социалистической системы. Актуальность романа в том, что острые конфликты, обнажившиеся в действительности, дающие о себе знать и по сей день, требуют своего конкретного решения. Такой “выход в практику” организован и самим построением романа. Композиционный прием – два романа в одном – нужен писателю, чтобы подчеркнуть единство конфликта на всем советском пространстве: конфликт между человеческим достоинством, любовью к человеку, к труду, с одной стороны, и бездарной агрессивностью, пренебрежением к человеку – с другой. Композиция открывает выход к широкому философскому обобщению, а именно: не национальность и вероисповедание, не род занятий, не место жительства разделяют людей и повинны в горестях, а противостояние созидательного и разрушительного начал в социальной жизни. Принципиально важно и то, что герои двух внешне самостоятельных сюжетов, русский молодой человек, интеллигент Авдий Каллистратов и кыргыз, бригадир животноводческой бригады Бостон Уркунчиев, внутренне близки, оба честные труженики, правдоискатели, однако оба переживают крах своих идеалов и надежд и приходят к плачу в прямом и переносном смысле. Так же, как роман Булгакова, роман Айтматова организован системой героев-“двойников”: Авдий Каллистратов и Бостон Уркунчиев, с одной стороны, и их враги: Обер-Кандалов, Гришан, Базарбай, Кочкорбаев – с другой, к ним фактически примыкают пассивно “сочувствующие” героям – редактор газеты, в которой работал Авдий, и председатель совхоза Чотбаев, к которому не раз обращался с просьбой о поддержке Бостон. Это безвольные функционеры в диктаторской системе, трусливо держащиеся за партийные догмы, боящиеся всего нового. Они, как и Понтий Пилат, “умыли руки” и тем самым косвенно оказались причастными к трагедии героев.

Пафос романа “Плаха” – поиски путей спасения человечества. Вопрос стоит именно так – ни больше, ни меньше. О самом святом нужно говорить остро и с философскими обобщениями. И образ Христа должен быть в красном углу – без него разговор не состоится. Сам Айтматов объяснял свое обращение к образу Христа так: «Христианская религия дает очень сильный посыл фигурой Иисуса Христа... Иисус Христос дает мне повод сказать современному человеку нечто сокровенное. Поэтому я, атеист, столкнулся с ним на своем творческом пути. Этим же объясняется мой выбор главного героя [7, с. 302]. И далее: “Авдий Каллистратов... – именно такая фигура, которая объединяет, связывает пласты времени” [7, с. 313]. Авдий – бывший семинарист, сформировался в обстановке

кризисной ситуации конца 70-х – начала 80-х гг., когда банкротство советского социализма стало очевидным как в сфере экономической, так и нравственной. Айтматовский герой в своих исканиях духовного идеала восходит к традициям Л. Толстого, Ф. Достоевского, М. Булгакова, понимавших Бога как проявление высшей нравственности. Ему дорого представление о человеке, как о существе, несущем в себе божественное начало, которое надо развить, не дать ему заглохнуть. Со своей “громдой любви” он идет в мир в качестве корреспондента комсомольской газеты. И первая проба его веры – это встреча с анашистами, распространителями наркотиков. Авдий сталкивается с голодными мальчишками, возглавляемыми опытным предводителем, идеологом “кайфа” Гришаном. В другой раз Авдий с целью заработка познакомился с бригадой шабашников, не ведая о том, что работа эта обернется хищническим, варварским истреблением сайгаков. А нужда в таких шабашниках возникла потому, что совхоз не справлялся с планом мясопоставок. Забегая вперед, хотим отметить, что все трагические события обоих сюжетов романа со всеми сложными перипетиями замешаны на проблеме хлеба насущного, в частности на неумелой организации мясопоставок из-за неэкономичной колхозно-совхозной системы. Таким образом, писатель все духовные вопросы тесно связывает с материальными. Не удивительно, что слово Любви, призыв Авдия обратиться к Богу не получили отклика ни со стороны анашистов, ни со стороны шабашников – соблазн больших денег взял верх. В ответ на Любовь и заботу Авдий получил от тех и других глгую ненависть, более того, анашисты сбросили его с поезда, а шабашники распяли на саксауле. Авдий мог бы спасти себе жизнь, если бы попросил пощады, но, даже видя свое поражение и прямую угрозу жизни, не поступился своей правдой, верой в Бога. Поражение Авдия не случайно. Он вошел в противоречие со своей идеей высокой сущности человека, утопически представляя, что эту сущность можно взрастить заклинаниями в любви и напоминанием о Боге. А ведь она должна сложиться из самоуважения, достойного существования в поле реального дела и реальной заботы о человеке. Когда же этого нет, тогда появляются такие “иллюзионисты счастья”, как Гришан и Обер-Кандалов, тогда ложь становится формой идеологии и цинично мотивируется интересами государства. И закономерно банкротство правдоискателя в обществе, где укоренились ложь, бесхозяйственность, равнодушие к судьбе человека и природы. То, что произошло с Авдием, на первый взгляд может показаться странным, авторской натяжкой. Однако происхождение героя из

духовной среды, истовая увлеченность идеей спасения человечества являют нам натуру особенную, гения любви к человеку (весьма редкого!). А его любовь к Инге Федоровне придает еще большую экзальтацию всем его начинаниям. Но нельзя согласиться с некоторыми критиками, которые утверждают, что Авдий – Христос на Земле. Сие утверждение, по меньшей мере, вульгарно. Христос для нас – Всевышний, вечный образ Любви, Истины, Справедливости. А Авдий, каким бы он ни был особенным, – это человек, существо смертное, мотивы его поведения и поступки обсуждаемы и разноразличны.

Обратимся к другому сюжету – о кыргызском животноводстве Бостоне Уркунчиеве. Бригада Бостона постоянно в числе передовых, план по мясопоставкам выполняет, но заботит его то, что тяжелый труд оплачивается плохо, поэтому рабочих рук не хватает, молодежь в совхозе оставаться не хочет. Бостон выступает за новую форму организации труда, но при командном стиле руководства инициативные труженики были не ко двору. Бостон стал жертвой порочной системы “уровниловки”, нивелирования личности труженика, что означало ограничение его свободы, более того – привилегии для всякой посредственности, а то и для худших за счет лучших, что в конечном счете привело к распаду социально-экономической системы “социализма”. Пособником парторга Кочкорбаева в травле Бостона стал один из прислужников в этой системе – бездельник и завистник Базарбай, почему и держался на плаву. Закономерно, что он становится также и обидчиком природы, символом которой выступает пара волков – Акбара и Ташчайнар. Украд волчат у Акбары с целью продажи, он спрятал их временно в доме Бостона, что косвенно стало причиной его трагедии. Акбара утащила сынишку Бостона, стреляя в нее, Бостон убил и волчицу, и своего сына, а затем, находясь в состоянии аффекта, горького отчаяния, убил Базарбая.

Как видим, в обоих романах параллельные сюжетные линии, как бы подтверждая и усиливая друг друга, развиваются до логического конца, обнаруживая жестокий парадокс – самый лучший приходит к плахе – в прямом или переносном смысле. А это означает то, что все в обществе противоречит здравому смыслу, поставлено с ног на голову. И ведь каково зло! Не сокрушишь его, оно поставит друг против друга самых близких и любимых, сделает их виновными друг перед другом! В “Белом пароходе” дед Момун фактически становится виновником гибели любимого внука, в “Плахе” Авдий, не сумев противостоять шабашникам в уничтожении сайгаков и одновременно спасти все живое в саванне, в том числе и волчат

Акбары, косвенно стал причастным к трагедии Бостона, своего духовного собрата. Сам Авдий стал жертвой тех, кого любит, хочет спасти. Бостон, не сумев защитить Акбару и ее волчат, невольно стал убийцей своего сына и Акбары. Но есть ли у всех этих героев реальная возможность в конкретной ситуации сокрушить зло? Нет. С одной стороны, потому, что добро – это Любовь, а она легко уязвима, тогда как зло эгоистично и цинично. А с другой стороны, герои в своем обществе в полной зависимости от разного рода “сильных” и не имеют реальных рычагов для борьбы – ни властных, ни материальных. Дед Момун беден, Авдий тоже, и передовой животновод Бостон тоже беден, поэтому не может даже на короткий срок оставить работу, чтобы найти время для самозащиты, поэтому вынужден предоставить решение своей судьбы таким подонкам, как Кочкорбаев. Выход из порочного круга намечается в “доказательстве от противного”: изменить общественный строй, изжившую себя систему “социализма”, призвать к переустройству жизни таких талантливых и инициативных тружеников, как Авдий и Бостон. Добро должно быть могуче властью, материальным богатством. Вместо лжи и подтасовок нужна определенность ценностных ориентиров, понятие добра и зла, смысла жизни и счастья. Нужно общество, где каждый человек прошел бы ценностную селекцию и выступал в своей “весовой категории”. Нужно призвать к жизни гуманистические идеи об общем благе (они сформулированы еще древними, но, увы...). Герои романа эти идеи исповедуют, они понимают, что “любое преступление людское в любой точке земли касается нас всех... ибо в мире существует некий общий баланс человеческих тягот, люди – единственные мыслящие существа во вселенной, и это их свойство – хотим мы того или нет – превыше всего, что их разделяет. И мы придем к этому, несмотря на все наши противоречия, и в этом спасение разума на земле” [8, с. 591–592]. Герои осознают, что иначе катастрофа неминуема, ведь мы живем уже в атомном веке! Айтматов своим романом как бы зафиксировал тот момент, когда обозначился острый кризис “социализма” и взаимоотношений между землянами в целом и когда человечеству нужно выйти на новый, спасительный уровень нравственности. Актуально, что современное естествознание рассматривает нравственность как механизм, созданный природой для сохранения человеческого вида [9, с. 173]. Природа предусматривает такой спасительный резерв – это такие люди, как Авдий и Бостон, которые могут жить только по законам добра и правды.

У Булгакова в “Мастере и Маргарите” есть глава “Великий бал у Сатаны”, она, на наш взгляд,

кульминационная, потому что, хотя и сделана в фантастическом ключе, утверждает победительное, венценосное место Добра в жизни, перед которым зло должно коленопреклоненно покаяться. И залог реализации этой мечты писателя – светлый образ Маргариты, гордой, деятельной, сильной. Герои Айтматова так же, как и герои Булгакова, будут всегда верны себе независимо от исхода схватки. Кульминации в “Плахе”, как и в “Мастере и Маргарите”, определяет тема Добра. Одна из кульминаций – сцена диалога Христа с Понтием Пилатом. Но Айтматов дает ей другой поворот, развивает тему божественного начала в человеке. Иисус объясняет Пилату значение своего Второго пришествия: “...Смысл существования человека в самосовершенствовании духа своего, – выше этого нет цели в мире... Не я... приду, воскресну, а вы, люди, пришествуете жить во Христе, в высокой праведности, вы ко мне придете в неузнаваемых грядущих поколениях... И это будет мое Второе пришествие” [8, с. 55]. Таким образом, тема Христа и божественного в человеке увязывает все сюжетные линии романа. Жанр “Плахи” можно определить как социально-философскую трагедию-притчу. Кончается “Плаха” описанием, несущим в себе высокую мудрость жизни, в которой преодолены самые жестокие трагедии: “А сияя крутизна Иссык-Куля все приближалась, и ему хотелось раствориться в ней, исчезнуть – и хотелось и не хотелось жить. Вот как эти буруны – волна вскипает, исчезает и снова возрождается сама из себя...”

В заключение, обобщая рассмотрение и сопоставление романов «Мастер и Маргарита» и «Плаха», мы хотим отметить новаторское развитие Айтматовым художественных достижений Булгакова, общность этих писателей в подходе к материалу, осмыслению и оценке действительности. Это, в свою очередь, рождает общность стилевых особенностей и приемов у обоих писателей. Так, изображение социальной реальности, пропущенной через философские обобщения, обретает нравственную определенность, обнаруживает четкость авторской позиции. Для стиля обоих писателей характерно развитие параллельных сюжетов, усиливающих и как бы подсвечивающих друг друга, развитие конфликта до парадокса, обнажающего жесткую правду, обращение к фантастике,

использование “мерцающих” образов, символики, яркая эмоциональность и метафоричность образов.

Завершить статью хочу так, как это сделал в свое время Айтматов, когда редакция журнала “Вопросы литературы” попросила его подвести итог дискуссии о “Плахе”. Писатель предложил опубликовать открытое письмо к нему с размышлениями о романе своего друга, армянского литературоведа Левона Мкртчяна, которого “всегда высоко ставил как одного из лучших собеседников и знатоков литературы” [1, с. 70]. Приведем высказывание Левона Мкртчяна: «И слава богу, что “Плаха” написана разгневанным, рассерженным человеком... Может быть, Чингиз, поостыв, ты бы написал лучше, но получилось бы хуже, так как гнева было бы меньше, меньше было бы огня. А в таком деле, как “Плаха”, гнев – это все. Святое дело... “Плаха” есть еще одно свидетельство твоего “крупного участия в жизни” (выражение Б. Пастернака)... Поздравляю тебя с трудной удачей!» [1, с. 82].

Литература

1. Обсуждаем роман Чингиза Айтматова “Плаха” // Вопросы литературы. М., 1987. № 3.
2. “Не только выжить...” Дискуссия о романе Ч. Айтматова “Плаха” // Литературное обозрение. М., 1987. № 5.
3. Сейранян Н. М.А. Булгаков // История русской литературы XX века (20–90-е гг) / Н. Сейранян. Ереван. 2015.
4. Сейранян Н. Ч.Т. Айтматов // История русской литературы XX века (20–90-е гг) / Н. Сейранян. Ереван, 2015.
5. Сейранян Н. Миф и легенда в творческой системе Ч. Айтматова / Н. Сейранян // Актуальные проблемы литературы и культуры. Вопросы филологии. Выпуск 3. Часть 1.
6. Сейранян Н. Роман М. Булгакова “Мастер и Маргарита” как художественное целое / Н. Сейранян // Русский язык – гарант диалога культур, научного сотрудничества, межличностного и международного общения в XXI веке. 2012.
7. Айтматов Ч. Статьи, выступления, диалоги, интервью / Ч. Айтматов. М., 1988.
8. Айтматов Ч. Белый пароход. И дальше века... Плаха / Ч. Айтматов. М., 1988.
9. Горелов А.А. Концепции современного естествознания / А.А. Горелов. М., 1997.